

УСЛЫШАВШИЙ ГОЛОС

Странный и неудобоспасаемый наш городок, Питер, дождливый и пасмурный, сирый и неблагоуханный. Бродишь по улицам, и не на чем глаза остановить. Разве что на пивном ларьке с длинным, вяло шевелящимся черным хвостом, вроде тритона в мутной банке. Или изъезженном трамваями перекрестке, зарешеченном долу- рельсами, горе-проводами.

Впрочем, однажды случается- мимо идешь, и из окон невысокого первого этажа, из-за неплотно притворенных штор: динь-ди-линь... динь-дилян... Проскочишь- вернешься. Ошибся- не звук, а пища для зрака, и - О!...

Цветет на облупленном, заляпанном электрическим желтком подоконнике- куст столетника. Сквозняк из притворенной форточки подвески на лэстре шевелит. Цветик-тонкие, белые, изнутри подвеченные колокольцы. Первый - /и последний/ раз в жизни. Больше такого не увидишь. Запомни эту минуту.

Впрочем, оставим мы аналогию, хрому, как все аналогии в мире. Не желтушный и не жеманный- сильный и полнозвучный ключ поэзии Петра Чейгина. Редкость- да. Но поэзия- всегда редкость, неловко об этом и вспоминать.

Нет, не румяным здоровяком предстает перед нами поэт в своих версиях. Но человеком, обладающим удивительной волей к слову- самовитому, самоценному, точному. И не призма, разделяющая мир на локальные цвета- его глаза кристалл, само собой, магический.

Маленькая книжка "Сольфеджио", и "Последние стихи", обнародованные в одиннадцатом номере альманаха "Часы"- оставляют сильное впечатление. Если слово- ключ для "Сольфеджио"- "словарь", - для "Последних стихов"- слово "трезвость".

Трезвости хрустальный позвонок
чище Солнца и честнее яда.

Трезвость. Хрустальная трезвость. Без улыбки берешь в ладони это хрупкое слово. Синоним "бдения". Антипод - "сна" в гурджиевском смысле слова, замороченности сознания на разные внешние, майей подсказанные фокусы.

Сколь богатой коллекцией "снов", по контрасту, предстает нынешняя питерская урба поэзия - ни под один зонтик не вьестится. Тут и "духовный" ряд наркотических сновидений с неизменным самоопьянением религиозной, шамански талдычимой терминологией, что-нибудь вроде:

Тот, кто в мире не бывал,
Тот и Бога не видал...

Тут и смелый "эксперимент", рифмующий "пространство" и "мирозданство", и, конечно, густой храп со страниц толстых "литературных" журналов.

В книжке "Сольфеджио" немного стихотворений. Это, скорее, цикл, нежели книга. Но очень высока, если так можно выразиться, "удельная плотность" этой поэзии. Так что не будем спорить, пусть книга. От нее к "Последним стихам" наблюдается определенная эволюция.

"Сольфеджио" - как из единого куска резано. Разрывы между стихотворениями намеренно не обозначены. Ритмические переходы на их стыке не производят впечатления разноголосицы, но мощного полифонического многоголосия, некоей хоральной непрерываемости. Звучание стиха чисто, сладко и полно.

Не то - "Последние стихи". Их фрагментарный, нервно разорванный характер, очень опутимая "непреднамеренность" их появления - первое, что бросается в глаза. Это и отдельные строфы "стихов, написанных в больнице", и стихи-посвящения, и так далее. Чувствуется, что со времени написания "Сольфеджио" /1973-74 гг./, сознание поэта резко преобразилось.

Далеко "Последним стихам" до олимпизма "Сольфеджио".
Но их материя более тонка и летуча, более пламенна.

Об "олимпизме" книги "Сольфеджио" сказано, разумеется в относительном смысле. В целом, мировосприятие поэта - катастрофично.

Без жеманной псевдоабсурдской "катастрофичности" - прибежища дамской "брутальной" музы.

Без визионерских "исходов" из Питера под поэтические петарды атомных грез, освящаемых не то крестом, не то автоматом. Кратко, просто и мужественно:

Открыл и вышел. Взаялся за перила.
Качнуло. Удержался. Место плыло.
И свист прошел над бедной головой.

Так посвящает концами своих жестких - к р и л муза
Трагедии. Мясо его стихов - природное мясо. Все - вечно.

Коренья льда, молочный алый гул,
пар города на выемке февральской...
Не вещьность - не самоцель. Самоцель - Вечность. Прорыв
через ткань к абсолюту:.

Кстати сказать о глубокой, ненадуманной религиозности Петра Чейгина. И о связанном с нею понимании своего поэтического предназначения, как преобразователя горных звучаний. Гордыня в этом? Или смирение? Вопрос, не нуждающийся в разрешении.

Византийской пчелы
свет погас, заострил небосвод.
Кивнул бее - не попал.
Ларный голубь терзает предплечье.
От молдавских борозд
до гостиницких вымытых сот
Твердь, как сеть, сожжена
прекословной все-ленною речью.

И падит мотылек,
воск ночей выбирая с души.
Между черным шитьем
А коробкой вневливых иглою

Тише, мать, подожди.
Ради Бога, прошу, не спеш
сон жалеть, кровь смягчить.
Это голос его, мама, голос.

Невозможно читателю не почувствовать, что Голос дошел до поэта, и запечатлен им с немалой силой, силой поэтического вдохновения.

1978 г.